

CALL FROM «THE OTHER WORLD»:
EXPERIENCE OF AFTERLIFE IN MODERN EUROPE
AND POST-SOVIET RUSSIA

Abstract. In the article the reinterpretation of traditional ideas about the afterlife and life after death. The author puts forward the notion that it is not the dead continue their existence in some other world, and the living are in the border situation, the absence of any existential perspectives. In other words, the person is still not dead, but not alive. The life after death is typical not only for humans but also for the peoples, cultures, States, and activities.

Key words: afterlife, point of no return, sickness unto death, social collapse, irreversible disaster.

УДК 114

Н.А. Балаклеец

ПРОСТРАНСТВО, ТЕЛО И ВЛАСТЬ
В КОНЦЕПЦИИ А. ЛЕФЕВРА

Аннотация. В статье в контексте характерного для современного социально-гуманитарного знания «пространственного поворота» анализируются методологически значимые положения концепции социального пространства, развиваемой Анри Лефевром в работе «Производство пространства». Лефевр, понимая пространство как продукт социального конструирования, выступает критиком субстанциалистских теорий пространства. Эвристический потенциал рассматриваемой концепции заключается в том, что она позволяет объединить теоретические воззрения на пространство и его переживание в повседневной жизни.

Ключевые слова: социальное пространство, пространственный поворот, пространственный детерминизм, субстанциализм, тело, власть, Анри Лефевр, капитализм.

В конце 1980-х годов в критической географии, развиваемой исследователями из США, появился новый термин, которому впоследствии предстояло стать маркером целого направления в современных социально-гуманитарных науках и в социальной географии. Этот термин – spatial turn

(пространственный поворот). Исследователи связывают появление указанного выражения и вхождение его в узус теоретических дискурсов о пространстве с работами американского ученого Эдварда Соджи (Edward W. Soja). Так, в книге «Постмодернистские географии» (Postmodern Geographies) Соджа выступает за «возрождение критической пространственной перспективы в современной социальной теории», а в работе «Третье пространство» (Thirdspace) исследователь отмечает следующее: «Современные критические исследования демонстрируют значительный пространственный уклон (spatial turn). В этом можно усмотреть одно из наиболее важных интеллектуальных и политических событий конца XX века; ученые начали интерпретировать пространство и пространственность человеческой жизни с тем же самым критическим пониманием и вниманием, каковое традиционно уделялось истории с одной стороны и социальным отношениям и обществу с другой стороны» (цит. по: [11, с. 27–28]).

Как явствует из вышеприведенного фрагмента, пространственный поворот можно рассматривать как реакцию на историзм и эволюционизм XIX века. Отказ от ориентации на время, историю и прогресс и смещение акцента исследователей на категорию пространства трактуется рядом авторов как способ демаркации модерна и постмодерна. Подобную роль отводит пространственному повороту американский литературовед Фредрик Джеймисон [9, с. 154]. Ему вторит исследовательница из Германии Дорис Бахманн-Медик, по выражению которой «пространственный поворот — дитя постмодерна» [8, с. 284]. При этом непосредственным толчком для появления многочисленных междисциплинарных исследований в рамках spatial turn послужили работы Мишеля Фуко и Анри Лефевра.

В работе «Другие пространства», написанной в 1967 году и опубликованной в 1984-м, М. Фуко утверждает приоритет пространства над временем, характерный для современной эпохи: «Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX в., как известно, была история: темы развития и становления, кризиса и цикла, темы накопления прошлого, значительная перегрузка мира мертвецами, грозящее охлаждение мира. <...> Сегодняшнюю же эпоху можно, скорее, назвать эпохой пространства. <...> Мы живем в эпоху, когда мир <...> ощущается не столько как великая жизнь, что развивается, проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собой точки, перекрещивая нити своего клубка» [7, с. 191].

Аналогичный вывод, свидетельствующий об утрате временем своего онтологического статуса, был сделан А. Лефевром в работе «Производство пространства». Французский мыслитель утверждает об исчезновении времени из современного социального пространства, возлагая вину за это исчезновение на государство [3, с. 37]. В то же время историзм, представленный прежде всего теориями Г. Гегеля и К. Маркса, и последующее обращение к категории времени как основному горизонту понимания бытия в философии М. Хайдеггера не могли не отразиться и на последующих спо-

собах осмысления пространства. Как отмечает В.А. Конев: «На заре европейской культуры, в начале пути европейской философии Парменид поставил камень, на котором было два указателя: направо пойдешь – истину обретишь и вечность бытия, которое всегда есть; налево пойдешь – множество мнений и смерть обретишь, здесь непостоянство, случай и произвол. Вся европейская культура выбрала правую дорогу – путь истины, путь необходимости и долженствования. Этот тип мысли и действия породили религию, науку, технику и долг. Хайдеггер, возвращаясь к камню Парменида, выбирает другой путь, другое направление постижения бытия – путь времени, путь смерти и рождения, путь конечности. Нужно суметь пройти этим путем, нужно *решиться* признать временность бытия, отвергнутую Парменидом» [2, с. 26–27]. После гегелевской диалектики, для которой характерно утверждение приоритета исторического *становления* над пространством, а также после «временного поворота», совершенного Хайдеггером, и философская категория пространства обогащается новыми смыслами. Пространство уже не отрывается от времени в качестве вневременной субстанции или статичной формы, но мыслится процессуально и динамично. Овременение пространства, постижение его из горизонта времени и истории явственно прочитывается в философии Лефевра, который подчеркивает необходимость исследования не только истории пространства, но и истории способов его осмысления (репрезентаций), генезиса различных специальных форм и ритмов повседневной жизни. Оригинальным элементом концепции Лефевра является предложенная им идея ритмоанализа – установка на исследование тела и его ритмов, вписанных в социальное пространство [3, с. 204]. Автор обнаруживает связь между историей пространства и историей времени, отмечая, что природные ритмы были трансформированы социальной практикой [3, с. 126], и ставит перед собой задачу «вернуть *время* (прежде всего время производства) в пространство на всем его протяжении» [3, с. 102].

Безусловно, Лефевр не является первооткрывателем пространства в качестве объекта исследовательского интереса – в качестве такового оно было представлено и в философии модерна, и задолго до нее. Речь идет о переосмыслении одной из фундаментальнейших философских категорий и пересмотре господствовавших в классической философии пространственных теорий. Отметим ряд методологически значимых для концепции Лефевра моментов.

В рассматриваемой концепции предпринимается критика субстанциалистских теорий пространства, согласно которым оно наделяется некими неизменными характеристиками и рассматривается как вещь среди других вещей. Мыслитель неоднократно подчеркивает недопустимость подобной реификации пространства, восходящей к картезианской *res extensa*. Согласно его выводам, «пространство предстает уже не как “сущность”, не как особый объект, предстоящий «субъектам», обособленный от них и об-

ладающий автономной логикой» [3, с. 400]. Вместе с тем Лефевр не является сторонником кантианского подхода к пространству как к структуре, ингерентной сознанию. Таким образом, пространство — это не пустая форма и не вместилище, ожидающее своего наполнения. Пространство трактуется Лефевром как социальный продукт, результат производства, осуществляемого производительными силами и производственными отношениями. Игнорирование конструктивного, произведенного характера пространства, присущее субстанциалистским теориям, приводит к пространственному детерминизму, в соответствии с которым социальное пространство трактуется в качестве предельного основания, некоей предзаданной основы, определяющей специфику политического, экономического и исторического развития общества. Безусловно, пространственные факторы имеют немаловажное значение для развития общества. Однако само по себе признание влияния пространства (географического или социального) на общественные отношения еще не дает достаточного основания для того, чтобы причислить ту или иную теорию к пространственному детерминизму. Последний не просто признает воздействие или влияние специальных факторов на человека и общество (что является «общим местом» многочисленных философских и социально-гуманитарных дискурсов), но постулирует непосредственное определяющее значение пространства для общественного развития.

Несмотря на критику Лефевром субстанциалистского понимания пространства, его собственная концепция дает повод ряду исследователей для отыскания в ней элементов субстанциализма. По утверждению Кристиана Шмида, «в некоторых рецепциях складывается превратное впечатление, будто бы Лефевр трактует пространство как (материальный) объект, которому присущи определенные активные силы» [10, с. 292]. На наш взгляд, сам текст «Производства пространства» дает для этого некоторые основания. Так, Лефевр в своей работе подчеркивает, что «последним, неустранимым <...> основанием пространства является природа» [3, с. 227]; «оно (социальное пространство. — *Н.Б.*) имеет основу, первичный фундамент — природу, то есть природное, или физическое, пространство» [3, с. 392]. Кроме того, анализируя причины субстанциалистской трактовки концепции Лефевра, следует иметь в виду, что немаловажную роль в понимании пространства играет язык, структуры которого расставляют перед исследователем своеобразные ловушки, зачастую подводя к субстанциалистскому толкованию пространственных категорий. К. Шмид показывает, что разноязычные термины *espace*, *splace* и *Raum* обозначают как в повседневном, так и в научном языковом обиходе не то же самое. В английском и немецком языках понятие «пространство» невольно ассоциируется с физико-материальным или географическим пространством. Во французских общественных науках, в контексте которых появились работы Лефевра, установилось метафорическое употребление термина «пространство» (*espace*),

позволяющее расширительно трактовать пространственные термины, актуализируя различные, в том числе и нематериалистические, способы их толкования. Что же касается Лефевра, то он сам в немалой степени способствует превратной интерпретации его концепции в духе субстанциализма и пространственного детерминизма, поскольку ограничивает распространенное во французской языковой среде метафорическое употребление термина *espace* его физико-материалистическим смыслом. Материалистическая концепция, разрабатываемая Лефевром в противовес абстрактным и идеалистическим теориям пространства, в англоязычных и немецкоязычных рецепциях приобрела привычную для этих языковых сред физико-материалистическую коннотацию, в особенности это относится к тем учениям, которые на протяжении многих лет не могли избавиться от наследия географического детерминизма [10, с. 393–394].

Вместе с тем природное пространство не мыслится в концепции Лефевра в качестве основания, раз и навсегда определяющего ход общественного развития. На физическое или природное пространство в процессе социального производства накладываются определенные слои (в соответствии с моделью «слойки»), так что каждый из последующих слоев привносит трансформации в предыдущие (вплоть до угрозы их полного уничтожения). В конечном счете природа оказывается только «сырьем» для производства пространства, которое преобразуется, превращается в продукт и уничтожается производственными технологиями. Мыслитель констатирует превращение в «дефицитное благо» или полное исчезновение природного пространства в современных урбанистических проектах, которые гомогенизируют индуцируемые природой различия [3, с. 320]. Процессы, происходящие в обществе, являются именно производством, а не присвоением уже существующего пространства: «...любая группа, класс или часть класса складывается и получает признание как “субъект”, только порождая (производя) некое пространство» [3, с. 405–06].

Понимание пространства в качестве социального продукта позволяет разоблачить скрытые в нем отношения власти и неравенства, которые маскируются субстанциалистскими теориями. Именно поэтому критика субстанциализма и пространственного детерминизма – это, помимо всего прочего, борьба за право самим определять и переопределять границы пространства и отношения власти, которые в этом пространстве реализуются. Выступая противником идеи «нейтрального пространства, предсуществующего и внеположного социальной практике», Лефевр отмечает, что «иллюзорная прозрачность пространства есть в конечном счете транспарентность власти, которая проявляется в том, что она удерживает, но и прячется за тем, что удерживает» [3, с. 311–312]. Именно политическая власть применяет различные средства фрагментаризации, расчленения пространства с целью удержания его под контролем. Осмысление данного тезиса

приводит нас к экспликации еще одной методологически значимой особенности концепции Лефевра.

Она заключается в критике исследовательской установки на описание отдельных элементов (фрагментов) пространства: «...важно уже не пространство того или сего, но пространство как целое или глобальное, которое следует не просто анализировать (что чревато бесконечными фрагментациями и членениями, вытекающими из аналитического замысла), но и *порождать* (курсив автора. — *Н.Б.*) с помощью теоретического познания и в его рамках» [3, с. 50]. Фрагментаризация пространства в теоретических исследованиях не только не приводит к полному и исчерпывающему его описанию. Более того, осмысление не самого пространства, а того, что в нем присутствует, снова готовит перед исследователем методологическую ловушку субстанциализма — мы снова сталкиваемся с пространством-контейнером, включающим в себя множество вещей и являющимся «пустой абстракцией».

Кроме того, фрагментаризация пространства, как явствует из концепции Лефевра, является актом политической власти, поэтому теоретическое описание отдельных пространственных фрагментов, «осколков» или «частичных» пространств (демографического, географического, информационного), а не социального пространства в целом, также не является политически нейтральным. Поскольку теория (а не только социальные практики) также порождает пространство, то его теоретическая фрагментаризация коррелятивна «реальным» процессам дробления, локализации и сегрегации, осуществляемым политической властью: «Подобное познание, запущенное в разбивках и репрезентациях, само того не ведая, интегрировано в существующее общество и действует в его рамках» [3, с. 102].

Фрагментаризации пространства сопутствует фрагментаризация тела — в этой связи следует вспомнить о языковой операции под названием «блазон», описанной Роланом Бартом: «Суть блазона состоит в том, чтобы приписать некоему субъекту (красоте) известное число анатомических атрибутов: *она была прекрасна — руки, шея, брови, нос, ресницы* и т.п.» [1, с. 184]. Стремясь с помощью блазона достичь тотального, целокупного описания, обрести тело как целостность, мы не достигаем этой задачи, но лишь конструируем бесконечные нагромождения перечней, фрагментов, деталей, фетишей, тогда как целокупность тела оказывается недостижимой. Тотальность тела ускользает от языка, оказывается внеположенной языку, в пределы которого попадают лишь фрагменты, «куски тела».

Лефевр, подобно Р. Барту (а также М. Фуко, Д. Камперу и другим мыслителям), также исследует происходящие в современном обществе процессы фрагментаризации и локализации, расчленяющие тело и пространство, причем он проводит аналогию между расчленением пространства и тела: «Приемы расчленения пространства напоминают приемы дробления тела на изображениях (в частности, тела женского, разделенного на части и при

этом «лишенного органов!»)» [3, с. 346]. Ведущую роль в расчленении тела неправомерно отводить исключительно языковым практикам. В капиталистическом обществе тело функционирует в соответствии с принципом целесообразности, его движения подчинены строгому контролю с целью повышения производительности труда (в этой связи вспомним, к примеру, знаменитые эксперименты Фредерика Тейлора). Возвращение человеческому телу его тотальности (ибо оно не должно сводиться к отдельным управляемым и контролируемым движениям) мыслится возможным лишь при условии вовлечения его в пространство-природу или производства нового, нефрагментированного архитектурного пространства.

Оригинальной и методологически значимой особенностью теории Лефевра является постулирование им триединства, включающего в себя следующие элементы:

1) пространственную практику, к которой французский мыслитель относит производство и воспроизводство пространства обществом или социальной группой; в капиталистическом обществе она связывает повседневную и городскую реальность. Пространственная практика предполагает наличие определенной пространственной компетенции и перформации (способа поведения) в этом пространстве: «Если ты знаешь, что такое “торговый центр”, “на углу”, “рынок”, ты владеешь соответствующей пространственной практикой ориентации среди городских улиц или шопинга» [5, с. 423];

2) репрезентации пространства — это пространство осмысленное, представленное в теоретических дискурсах, вербальных знаках, картах, чертежах, характерных для той или иной эпохи, пространство планировщиков, ученых, архитекторов;

3) пространства репрезентации — к нему относится пространство, переживаемое через нагруженные историческими смыслами и эмоциональными коннотациями символы, картины и образы повседневности, создаваемые жителями, «пользователями» этого пространства, а также писателями и философами.

Эвристическое значение рассматриваемой триады заключается в том, что она позволяет объединить теоретические воззрения на пространство (осмысление пространства в философии и науках, архитектурные проекты) и его переживание в повседневной жизни, не допуская перекоса ни в одну ни в другую сторону. Не следует производить пространство путем одностороннего воплощения сконструированных в сознании теоретиков абстрактных моделей. Но и повседневность не является онтологически первичной по отношению к теоретическим схемам и проектам. «Нельзя безоговорочно воплощать репрезентации и схемы, выработанные в ментальном пространстве и применительно к такому пространству, даже (и особенно) если оно теоретически осмыслено философами и рационализировано эпистемологами. Однако кто может постичь «реальность», то

есть (социальную и специальную) практику, не отталкиваясь от ментального пространства, не пройдя путь от абстрактного к конкретному? Никто» [3, с. 404].

Наряду с синхроническим триединством (пространственная практика — репрезентации пространства — пространства репрезентации) Лефевр выделяет и исторические периоды производства социального пространства, каждый из которых порождает особые пространственные слои, выступающие в качестве постепенно стирающейся опоры последующих. Речь идет об абсолютном, относительном (историческом) и абстрактном пространствах. Абсолютное пространство имеет религиозно-политический характер и образовано локусами, которые утратили статус природных объектов и перешли в разряд политических, наделенных определенной символикой (статуи богов или алтари в храмах). Ему на смену приходит относительное (историческое) пространство, которое характеризуется постепенным уничтожением природного начала и утверждением принципа накопления экономических ресурсов и богатств, произведений искусства, символов, знаний. Показательно, что Лефевр связывает накопление исключительно с социальным пространством, тогда как природа сама по себе не знает накопления. Отметим, что, выделяя пространство накопления в качестве особого пространственного слоя, мыслитель оставляет открытым вопрос о существовании пространства незапланированных, непроизводительных трат или расточительства (хотя он утверждает онтологическую необходимость накопления и траты для поддержания жизни организма) [3, с. 179–180]. Реализуются ли в историческом пространстве одновременно трата и накопление и воплощаются ли они в иных слоях социального пространства — этот вопрос автор оставляет без ответа. Наконец, в современном капиталистическом обществе, критиком которого выступает Лефевр, на смену историческому приходит абстрактное пространство, демонстрирующее отрыв от природы и функционирующее как совокупность знаков. Абстрактное пространство стирает различия, свойственные пространству-природе (вспомним знаменитое утверждение Лейбница о том, что в природе не существует не только двух тождественных деревьев, но и даже двух листьев на одном дереве). Как можно заключить из рассуждений Лефевра, логика развития социального пространства заключается во все большем возрастании «господства абстракции и визуального начала» [3, с. 136]. В связи с вышесказанным вспоминаются рассуждения сотрудника компании IBM Джима Шпорера по поводу возможности всеобъемлющего дигитального картографирования географического пространства, приводимые в работе Говарда Рейнгольда «Умная толпа»: «Что, если бы можно было поставлять информацию непосредственно на место? Вернее сказать, связывать информацию с местом и воспринимать ее, словно она присутствует там? *World Board* — видение того, как осуществить это в пределах всей Земли, сделав приметой повседневной жизни. Например, представьте: попадая в аэропорт, вы ви-

дите перед собой красную виртуальную дорожку, ведущую вас прямо к выходу на посадку; бросив взгляд на землю, вы обзрываете границы владений или заглубленные кабели; идя по проселку, видите виртуальные таблички с названиями рядом с растениями и камнями» [4, с. 136]. Эти рассуждения датируются 1996 годом. Сегодня многие из перечисленных фантазий стали реальностью.

В современном обществе наблюдается диссонанс между элементами предложенной Лефевром пространственной триады в пользу репрезентаций пространства, которые не являются политически нейтральными. Однако пространство – это не только совокупность знаков, дискурсов или симулякров [6]. Такие явления, как войны, террористические акты, хакерские атаки на компьютерные сети, способствуют отрезвлению от «невыносимой легкости бытия» и пониманию неправомерности сведения всех пространственных отношений к знаково-символическим формам. Осмысленные вещественных, материальных форм существования пространства – одна из задач, которая стоит перед исследователями в рамках современного «пространственного поворота».

Библиографический список

1. Барт Р. S/Z. М.: Академический Проект, 2009. 373 с.
2. Конев В.А. Смыслы культуры. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 276 с.
3. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
4. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
5. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 520 с.
6. Фаритов В.Т. Дискурс и трансгрессия. Перспективы онтологического исследования // Философская мысль. 2015. № 3. С. 1–9. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.3.14919.
7. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
8. Bachmann-Medick D. Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 2014. 432 s.
9. Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke UP, 1991. 438 p.
10. Schmid Ch. Stadt, Raum und Gesellschaft: Henri Lefebvre und die Theorie der Produktion des Raumes. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. 344 s.
11. Wüthrich M. Raum Gottes. Ein systematisch-theologischer Versuch, Raum zu denken. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. 558 s.

SPACE, BODY AND POWER IN THE CONCEPT OF H. LEFEBVRE

Abstract. The article explicates methodologically significant aspects of the concept of social space developed by Henri Lefebvre in the work «The Production of Space» in the context of «spatial turn» which characterizes modern social and humanitarian knowledge. Lefebvre, understanding space as a product of social construction, is a critic of substantialist theories of space. The heuristic potential of Lefebvre's concept lies in the fact that it allows one to combine theoretical views on space and its experience in everyday life.

Key words: social space, spatial turn, spatial determinism, substantialism, body, power, Henri Lefebvre, capitalism.

УДК 111

А.С. Костомаров

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Статья посвящена пониманию феномена субъективности в современной постметафизической философии. Утверждается, что фундаментальным для человеческой субъективности является опыт различения себя от иного, который приводит к обнаружению собственных границ. В исследовании разрабатывается онтологическая структура субъективности, которая включает в себя пассивный и активный уровень. Пассивный уровень связан с возможностью субъективности быть аффицированной как внешним, феноменальным миром, так и своей внутренней жизнью. Активный уровень связывается со способностью субъективности понимать мир, собственные пропозициональные установки в перспективе первого лица. Выдвигается идея об аспектуальном характере субъективного восприятия мира.

Ключевые слова: субъективность, различие, иное, аффицирование, объект, восприятие.

Понятия субъекта и субъективности составляют базовые понятия и ценности европейской культуры. Классическая модель субъекта формируется в метафизике Р. Декарта и трансцендентальной философии И. Канта.